

<Ф. М. Достоевский>

РАЗЪЯСНЕНИЕ НЕКОТОРЫХ СТОРОН ВОПРОСА О НУЖДАХ ЕДИНОВЕРИЯ¹

Читателям нашим известно, какой интерес мы придавали чтениям нашего уважаемого сотрудника Т. И. Филиппова в здешнем отделении Общества любителей духовного просвещения, по вопросу о нуждах единоверия. Часть этих чтений (заключительную), где г. Филиппов опровергал возражения своих противников и окончательно подтвердил справедливость своих главных положений, мы напечатали у себя во всем их объеме.²

В одном из последних номеров газеты «Голос» напечатана статья, старающаяся извратить смысл и значение всего того, что было говорено в Обществе любителей духовного просвещения по этому вопросу.³

Искажение сделано в одном направлении, в смысле неблагоприятном г. Филиппову и благоприятном его противникам, причем на г. Филиппова возводятся обвинения очень серьезного характера.

Мы с самого начала высказали наше полное сочувствие г. Филиппову и тем самым признали свою солидарность с его взглядами на раскол и на отношения к нему православной церкви. Потому обвинения, взводимые на г. Филиппова, в значительной мере падают и на нас. Сам г. Филиппов не считал нужным отстранять эти обвинения, в то время как они были высказаны в первый раз⁴, в надежде, что люди серьезно интересующиеся вопросом о расколе, ознакомившись до конца с его чтениями, сами увидят легкомысленность этих обвинений. Это мнение разделяли и мы. Но статья напечатанная в «Голосе» заставляет нас теперь иначе отнестись к делу. Повторяя обвинения, взводимые на г. Филиппова его противниками, статья распространяет эти обвинения в массе читателей не знакомых ни с сущностью вопроса, ни с тем, что говорил касательно его г. Филиппов. Это и вынуждает нас показать крайнюю несостоятельность и легкомысленность обвинений и указать истинный источник, из которого они истекают.

¹ Гражданин. 1874. № 24. 17 июня. С. 642–645. Текст печатается с сохранением грамматических особенностей оригинала.

² Имеется в виду статья «Чтение Т. И. Филиппова в заседании петербургского Общества любителей духовного просвещения 26 февраля» (Гражданин. 1874. 11 марта — 22 апреля. № 10–16).

³ См.: Передовая статья // Голос. 1874. 22 мая. № 140. О ней см. выше.

⁴ Имеется в виду второе выступление И. Ф. Нильского в ОЛДП 4 декабря 1873 г. В отличие от первого (25 февраля), более спокойного, оно содержало множество выпадов против публикаций «Гражданина», анонимного автора которых Нильский саркастически именуется «поверенным г. Филиппова». Сам Филиппов был представлен в весьма двусмысленном виде. Как заметил по этому поводу обозреватель «Гражданина», «еще бы немного, и профессор Нильский назвал бы г. Филиппова еретиком!» (Петербургское обозрение // Гражданин. 1873. 17 декабря. № 51).

Г. Филиппову ставили и ставят в упрек, что он имел в виду главным образом какие-то странные и сами в себе не имеющие никакого смысла цели, что он будто «во всем своем (первом) чтении старался доказать одну мысль, что вот уже более 70 лет церковная власть действует относительно единоверия неправильно, незаконно»⁵. (Слова г. Нильского). К чему было доказывать это г. Филиппову? Какую цель мог иметь он при этом и какую причину?

Предполагают ли противники г. Филиппова, что и он и мы недовольны тем, что так называемые единоверцы приняты нашею церковною властью в общение с нашею церковью, что, по-нашему, следовало бы их по-прежнему писать в раскол, «невзирая ни на что», потому только, что они молятся двуперстным крестом, двоят аллилуйю⁶, печатают просвиры восьмиконечным крестом⁷ — и тому подобное?

Нет, противники г. Филиппова так не думают. Напротив, они же обвиняли его в том, что его чтения слишком благосклонно относятся не только к единоверцам, но и к раскольникам⁸; г. Нильский доказывал, что проектируемая г. Филипповым религиозная равноправность православных и единоверческих церквей или, точнее, приходов была бы несправедлива, что единоверцы недостойны ее; мало того, г. Нильский совсем не двусмысленно высказал, что г. Филиппов имел в виду даже интересы раскольников.⁹ Стало быть как же совместить с этим то, что г. Филиппов недоволен уступчивостью синода относительно старообрядцев вообще, как совместить с этим то, что он допущение единоверцев в общение с церковью называет неправильным и незаконным действием синода?

Эти противоположные обвинения г. Филиппова со стороны его противников, и другие подобные им, о которых скажем ниже, в действительности объясняются следующим образом. Чтения г. Филиппова о единоверии застали представителей здешней духовной академии в Обществе любителей духовного просвещения врасплох. На ясно поставленные им

⁵ Речь по поводу рассуждений о нуждах единоверцев, произнесенная профессором И. Ф. Нильским 4-го декабря 1873 года в заседании Санкт-Петербургского отдела Общества любителей духовного просвещения // Христианское чтение. 1874. № 3. С. 379.

⁶ То есть возглашают в церковных песнопениях слово «аллилуйя» («славьте Господа» — евр.) дважды. Эта так называемая сугубая аллилуйя была отменена при патриархе Никоне (заменена на трегубую), но отстаивалась старообрядцами.

⁷ То есть делают оттиск на евхаристических хлебах (просфорах или просвирах) в виде восьмиконечного креста вместо четырехконечного, введенного в практику Собором 1667 г.

⁸ Первым это сделал И. В. Чельцов в заседании 18 января 1873 г. (см.: Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. 1873. Кн. VIII).

⁹ По утверждению Нильского, Филиппов «в самом исследовании развивал и доказывал большею частию такие положения, которых держатся только раскольники и те из единоверцев, которые, по своим отношениям к церкви, стоят ближе к расколу, чем к православию. Чем объяснить такую двойственность и такой разлад между словом и делом?» Далее путем уклончивых намеков Нильский вел своих слушателей к мысли о том, что «г. Филиппов своим чтением может не ускорить, а приостановить решение вопроса» (Христианское чтение. 1874. № 3. С. 379–380).

положения о неправильных отношениях между православием и единоверием, гг. Чельцов и Чистович не могли сказать ничего кроме общих мест.¹⁰ Вместе с ними возражавший протоиерей Васильев¹¹, к сожалению, кроме общих мест, также не высказал никакой мысли, которая была бы неизвестна г. Филиппову, и не была им же изложена и даже рассмотрена в Обществе любителей духовного просвещения. Г. Нильский, явившийся на помощь своим товарищам по академии о. И. Васильеву, бесспорно с историею раскола знаком¹², но оказалось, что и у него нет серьезного учебного изучения и понимания этого прискорбного явления русской жизни, что и он на него смотрит столь распространенным казенным или, пожалуй, даже полицейским взглядом.¹³

Г. Филиппов доказывал только, что допущение единоверцев к общению с православною церковью, — допущение, которому г. Филиппов вполне сочувствует и которое он даже находит недостаточным, недостаточно полным — находится в противоречии с определением собора 1667 года, который запретил употребление старого обряда «с великою клятвою». Г. Нильский должен был доказать противное, должен был доказать, что это допущение не противоречит определению собора 1667 года. Это он и старался сделать. Но сделать это, успеть в этом нельзя, так как собор 1667 года положительно и ясно запретил употребление старого обряда для всех и каждого, и всякого не желающего переменить употребление старого обряда на новый считал ослушником церкви и отлучал от нее. В этом нежелании переменить обряд и состояло ослушание церкви; так на это смотрел собор; так требовала и неумолимая логика вещей. Если бы в XVI веке¹⁴ смотрели на дело так, как смотрят на него теперь, то не было бы и раскола, не было бы причин вызвавших его. В таком случае патриарх Никон и продолжатели его дела, исправивши обряд, отнеслись бы с полным снисхождением к людям, желавшим сохранить верность старому обряду, так как люди эти заслуживали снисхождения вполне; их усердие к старому обряду происходило из их усердия к вере, из того, что они дорожили всеми частностями своего вероисповедания, как более важными, так и менее важными. Они были одушевлены тою ревностью к вере, которая составляет первую добродетель верующего. Им приписали впоследствии ту «еретическую мысль», что обряд важен не менее догмата.¹⁵ Этой мысли старообрядцы никогда не высказывали и не имели. На основании фактов, им можно приписать ее с такою основательностью, как самому патриарху

¹⁰ Профессора Петербургской духовной академии И. В. Чельцов и И. А. Чистович выступали со своими возражениями в заседаниях ОЛДП 18 января и 28 марта 1873 г.

¹¹ В заседаниях ОЛДП 18 января и 27 ноября 1873 г.

¹² И. Ф. Нильский был профессором Петербургской духовной академии по кафедре истории и обличения русского раскола, автором статей, книг и брошюр по этой теме.

¹³ И. Ф. Нильский в своих выступлениях против Филиппова неоднократно уличал единоверцев в неискренности и лицемерии по отношению к православной церкви. В целом же его работы о расколе находятся в русле традиционных обличений.

¹⁴ Так в «Гражданине». Должно быть — XVII в.

¹⁵ Эту мысль акцентировали в своих выступлениях противники Т. И. Филиппова.

Никону и продолжателям его дела, которых желание навязать всем новый обряд, безо всякого внимания к чувствам и желаниям громадной массы народа, безо всякого внимания к возникавшему разделению церкви из-за причины в сущности своей совсем не важной, из-за разности обряда и притом незначительной, показывает, что они-то преувеличивали значение обряда, по крайней мере не менее, чем старообрядцы. Отсюда и произошло запрещение старого обряда и клятвы, сопровождавшие его.

Опровергнуть мысль г. Филиппова относительно того, что собор 1667 года безусловно запретил употребление старого обряда, г. Нильский мог только одним способом. Он должен был рассмотреть самое определение собора и церковную практику, следовавшую за ним. Но этого-то он и не сделал, именно потому, что определение так ясно и положительно запрещает употребление старого обряда, что никакое сомнение в этом невозможно. На церковную практику он также не обратил почти никакого внимания, довольствуясь рассмотрением одного или двух случаев, именно случаев, случайных обстоятельств, которые притом не имеют точного, определенного смысла¹⁶; а объясняя факты, ведущие к заключениям неблагоприятным для его мысли, он приписал церковной власти такое нехристианское отношение к пастве, которого, по счастью, никогда не было в русской церкви.¹⁷ Между тем г. Филиппов, следуя строго логическому научному методу, рассмотрел и определение собора 1667 года и всю последующую практику церкви; и то и другое рассмотрение самым положительным образом подтвердили его мысль. Между прочим он показал, что в XVI веке на некоторые особенности обряда, которыми так дорожат старообрядцы, церковь смотрела, как на еретические, происхождение их даже приписано небывалому армянскому еретiku Мартину¹⁸, вследствие чего церковь торжественно проклинала их. Не могла же церковь, в одно и то же время, и проклипать старообрядческий обряд и разрешать его к употреблению. Самое главное, основное положение г. Филиппова было утверждено для науки незыблемым образом.

¹⁶ Нильский, в частности, привел пример из практики новгородского митрополита Питирима, который через несколько лет после Собора 1667 г. наказал священников, служивших по старопечатным книгам. Нильский доказывал, что они пострадали не за пошество старым обрядам, а лишь за то, что «оказались непокорными распоряжению своего епархиального архиерея» (Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. 1873. Кн. VIII. С. 411).

¹⁷ Вслед за Филипповым Нильский обратился к распоряжению Синода 1722 г. «писать в раскол» всех, кто крестится «двумя перстами», даже если они во всем остальном повинуются церкви. Нильский вывел из этого, что Синод хотел угодить Петру I — «чтобы отнять у потаенных раскольников возможность уклоняться „под одеждою православия“ от платежа двойного оклада» (Там же. С. 405).

¹⁸ Филиппов указывал, что при осуждении двоеперстия на Соборе 1667 г. «ему приписывалось армянское происхождение, в подтверждение чего при Петре был даже составлен кем-то акт никогда не бывалого собора на армянина Мартина, которому, за одним походом, приписали введение в России и всех прочих особенностей до-никоновского обряда...» (Петербургское Общество любителей духовного просвещения // Гражданин. 1873. № 22).

Не имея возможности опровергнуть этого положения г. Филиппова, к чему принужден был прибегнуть г. Нильский? — Указывая дальше неправильные полемические приемы его, мы нисколько не приписываем их его предумышленному желанию затянуть и запутать спор, сбить его с его настоящей дороги и свести его к нулю. Нет, сила вещей привела его к неправильностям всякого рода. Профессор духовной академии, — он кажется не считал себя вправе отнестись с полною свободою к вопросу. С одной стороны, он считал себя обязанным во всяком случае признать правильным определение собора 1667 года; с другой он также считал себя обязанным признать правильными нынешние отношения церкви к единоверцам; наконец, и притом по этому самому, он должен был считать согласными между собою и определение собора 1667 года, и нынешнее положение единоверцев в церкви, т.е. он должен был согласить несогласимое. Отсюда его нежелание остановиться с подобающим вниманием на самом тексте соборного определения 1667 года, отсюда его стремление объяснить смысл этого определения из частных и случайных фактов; наконец, отсюда же и эти казенно-полицейские аргументы в пользу своего мнения, которые в отношении г. Филиппова являются в виде обвинений.

— Как! говорит г. Нильский г. Филиппову, так по вашему св. синод поступал неправильно и незаконно? — Думайте об этом как хотите, отвечали бы мы ему на месте г. Филиппова; по нашему, он поступал только несогласно с определением собора 1667 года; а впрочем, он поступал более согласно с истинным духом православия, чем собор 1667 года.

— А вы еще выражали вашу признательность, продолжает свою казенную аргументацию г. Нильский, св. синоду за то, что он дал вам свободу публично рассуждать о делах церкви и предметах веры! Разве для того дана вам эта свобода, чтобы вы сразу принялись за критику действий синода и позволили себе даже называть их неправильными? — А для чего же? отвечали бы мы на месте г. Филиппова. Свободу относиться без критики к действиям св. синода и безусловно находить их правильными мы имели и прежде. Такой свободы не лишен ни один из приверженцев папской непогрешимости. На территории Ватиканского дворца все без исключения, от кардинала до привратника, имеют право прославлять папскую непогрешимость и удивляться мудрости и христианскому духу каждого папского распоряжения; только никто не имеет там права подвергать критике папские распоряжения. Этакое ли положение, спросили бы мы в свою очередь, считаете нормальным вы, г. Нильский, для всякого православного, небезучастного к вопросам, касающимся веры и церкви? — Вы стараетесь привлечь к общению с православной церковью старокатоликов; но именно от такого-то положения в римской церкви и ушли они. И если ничего другого вы не дадите им в общении с нашею церковью, то они и не примут его. Непогрешимости св. синода, как непогрешимости папы, они не признают, да и мы не признаем ее. Да, самое главное, и сам св. синод не требует признания ее. Только г. Нильский предположил ее, и критическое

отношение к распоряжениям наших церковных властей поставил в вину г. Филиппову.

«Я серьезно опасюсь, продолжает г. Нильский, как бы такая постановка вопроса (т. е. постановка, сделанная г. Филипповым) не заставила св. синод помедлить его решением, дабы, скажу словами митрополита Платона, развратные не протолковали, аки бы святая церковь свое прегрешение, а их истину познала»¹⁹. На это заметим, что если бы св. синод, из-за чтений г. Филиппова, отложил в долгий ящик меру, признаваемую им полезною, то это было бы крайне прискорбным фактом в истории русской церкви; это показывало бы, что в нашей церковной иерархии появилось стремление к введению нового догмата касательно ее непогрешимости. Святая вселенская церковь непогрешима, но только во всей своей совокупности, и только в действиях таких своих органов, которые представляют ее вселенский характер, именно во вселенских соборах. А действия иерархий местных церквей, даже действия поместных соборов, никак не имеют характера непогрешимости. И некоторые из определений поместного собора 1667 года могут быть другим собором признаны неправильными и отменены, как признаны неправильными и отменены многие определения собора Стоглавого.²⁰ А определения св. синода могут быть признаны неправильными и отменены еще с большею легкостью даже без собора, а самим синодом. Стремление нашей иерархии ко введению догмата касательно ее непогрешимости — стремление, которое в действительности все-таки не существует, которое только предполагает г. Нильский, — было бы явлением тем более прискорбным, что оно в этом случае сопровождалось бы поставлением преграды для людей, ищущих входа в церковь. Церковная иерархия должна не преграды ставить таким людям, а облегчать им, всеми зависящими от нее средствами, вступление в число членов святой и апостольской церкви.

По мнению г. Нильского, чтения г. Филиппова составляя преступление *lèsé infailibilité*²¹ относительно св. синода, в то же время грешат явным пристрастием к раскольникам, явным принятием их стороны в их споре с церковью. По словам г. Нильского, раскольники, предубежденные против церкви, в этих чтениях найдут много оснований для своих превратных толков, враждебных церкви.²² Нас эта мысль г. Нильского изумила. Будто он, профессор истории раскола, в самом деле так худо знает его средства, что может серьезно утверждать, будто бы раскольники не знали до сих пор данных, заключающихся в чтениях г. Филиппова, или не успели извлечь из них все возможное в свою пользу гораздо раньше чтений г. Филиппова? Наконец, г. Филиппов, как и всякий искатель истины, может и должен не обращать внимания на то, кто и что извлечет из его изысканий. Истина

¹⁹ Христианское чтение. 1874. № 3. С. 381.

²⁰ Некоторые решения Стоглавого собора 1551 г., например, об утверждении двоеперстия, сугубой аллилуйи и проч., были отменены собором 1667 г.

²¹ оскорбления непогрешимости (франц.).

²² См.: Христианское чтение. 1873. № 3. С. 381.

имеет свои права. Во всяких научных исследованиях, истина должна быть на первом плане, она должна быть главной и единственной целью изысканий. Католический исследователь в своих исследованиях ежеминутно находится под страхом, как бы не задеть как-нибудь римских догматов о главенстве римской церкви, о папской непогрешимости и т. п.²³ Православный исследователь должен быть чужд подобному страху. Он может вполне положиться на то, что истина ни в каком случае не ведет ко злу, неправде, лжи, к ереси, к неправославию. Он может положиться на слова писания, что «свет во тьме светится и тьма его не объят»²⁴, что «истина пребывает и возмощает во век, и живет, и обладает во века века. И несть у нее приятия лица, ниже различия»²⁵. Раскольники извлекут из чтений г. Филиппова основания для своих превратных толков!.. Пусть их извлекают. Если эти основания послужат им для превратных толков, то и сами они превратные, ложные. В таком случае опровергните их, г. Нильский, в соединении с о. Иосифом Васильевым, и гг. Чельцовым и Чистовичем. А если их опровергнуть нельзя, если они истинны, то и толки, основанные на них, не будут превратными. Думаете ли вы, что все вообще толки раскольников касательно их отношений к православию превратны? В таком случае вам и говорить нечего о «сближении и мире», которые поставило своею задачею Общество любителей духовного просвещения; ваши слова могут вести только к постоянной, непрерывной вражде между православными и старообрядцами. Сближение и мир могут произойти только тогда, когда в раскольниках мы признаем христиан, которые, рядом с своими немногими заблуждениями, исповедуют большинство христианских учений в том же самом виде, как и мы, которые к нам несравненно ближе, чем католики, англиканцы, лютеране и проч., которые, притом, — мы должны признать это, — имеют ревности к вере больше, нежели мы, нежели то общество, в котором нам и г. Нильскому приходится обращаться ежедневно. В наши дни материализма ревность к вере, хотя бы и в раскольниках, есть такое явление, на котором душа с отрадою отдыхает. И согласитесь, что и вам самим ревность к вере раскольника несравненно приятнее, чем материализм, позитивизм и т. п., с представителями и поповедниками которых мы ежедневно встречаемся.

Сближение и мир между православными и раскольниками, столь вожделенные для всякого православного, для всякого истинно русского человека, могут произойти только тогда, когда в споре между ними ничто не будет покрыто мраком канцелярской таинственности, когда всевозможные данные, касающиеся отношений церкви к расколу выйдут на свет Божий, когда ошибки, от которых, к великому прискорбию всех искренно-

²³ Основной догмат католической церкви о главенстве папы и его непогрешимости, принятый на Ватиканском соборе 1870 г., гласит, что Христос оставил после себя всю полноту власти апостолу Петру, а тот передал ее своим преемникам, римским епископам. Папа, согласно этому догмату, один владеет пониманием смысла Писания.

²⁴ Ин. 1: 5 (црк.-слав.).

²⁵ 2 Езд. 4: 38 (цитата не вполне точна).

православных людей, не убереглась наша иерархия, не будут ни скрываться, ни маскироваться, — какое стремление весьма заметно в рассуждениях как г. Нильского, так и других противников г. Филиппова, — когда обоюдные ошибки будут признаны ошибками. По счастью, у нас нет догмата о непогрешимости нашей иерархии, и по счастью ее ошибки не таковы, чтобы православным нельзя было признать их, а нужно было во что бы то ни стало отрицать их. И г. Филиппов, приводивший в своих чтениях данные, имея в виду только истину, не желавший ничего ни скрывать, ни маскировать, опять-таки виноват только с точки зрения прежнего казенно-полицейского отношения к расколу, а не с точки зрения людей, искренно желающих воссоединения членов единой православной церкви, расторгшихся по недоразумению, из-за обоюдной ревности не по разуму.

Г. Филиппов явился защитником нужд единоверия, — обвиняют его далее его противники, — а в самом деле «подорвал всякое значение и силу единоверия»²⁶. Спрашивается, что же это за религиозное учреждение, которого силы и значение могли быть подорваны двумя-тремя чтениями одного человека, такими притом чтениями, в которых его противники не признали ни знания дела, ни серьезности, ни основательности, — такими чтениями, которые потом были предметом обстоятельных обсуждений и в Обществе любителей духовного просвещения и в литературе, со стороны троих докторов богословия и четвертого наиболее видного представителя современного духовенства, председателя духовно-учебного комитета?²⁷ Есть, стало быть, в единоверии что-нибудь такое, что легко подрывается, и было, стало быть, в чтениях г. Филиппова что-нибудь живучее, способное к жизни, было тут какое-то новое слово, которого не могли заглушить три доктора богословия в соединении с председателем духовно-учебного комитета. И это не было слово реформатора, вроде Лютера, а слово действительно православного мыслителя, для которого авторитет вселенской церкви есть высший авторитет в деле религии.

Это новое, живое слово, не подорвавшее силу единоверия, а показавшее, между прочим, некоторые недостатки в этом учреждении, состояло в том, что автор его, сумевший подняться над бюрократическим отношением к старообрядчеству, с гражданским мужеством, достойным этого дела, указал на ошибку соборного определения 1667 года относительно людей, приверженных к старому обряду, как на главный источник, из которого возник и вырос раскол и от которого он до сих пор питается, и как на средство к прекращению раскола указал на новый собор, который имел бы каноническую власть отменить решение этого собора, так как св. синод этой власти не имеет. На основании грамот патриархов, св. синод имеет власть равную власти одного патриарха²⁸; это патриарх коллективный,

²⁶ Вслед за Нильским это утверждали «Церковно-Общественный вестник» и «Голос».

²⁷ Имеются в виду доктор богословия И. Ф. Нильский, И. А. Чистович, И. В. Чельцов, а также председатель учебного комитета Синода о. Иосиф Васильев.

²⁸ Учреждение в 1721 г. Синода взамен патриарха было поддержано грамотами точных патриархов.

а не индивидуальный. А собор 1667 года был действительно поместным собором, в котором участвовали три патриарха²⁹; св. синод относительно этого собора есть низшая церковная власть, которая не имеет права отменять постановления власти высшей. И вот почему единоверие до сих пор имело так мало успеха. Старообрядцы, хорошо знакомые с каноническим правом, не могли не видеть, что одного распоряжения синода недостаточно для отмены соборного определения 1667 года; и по этой причине они не шли в единоверие. Вступление в единоверие, по их мнению, не снимает с них клятв 1667 года. Эта же мысль смущала и смущает до сих пор самих единоверцев. Предлагаемый г. Филипповым собор покончил бы скоро со всеми этими затруднениями. Прибавим к этому, что мысль о соборе с целью решения вопроса о расколе была высказываема и другими раньше его, между прочим самим же г. Нильским³⁰, и еще раньше преосв. Макарием, архиепископом литовским и членом св. синода³¹.

Но нужно было видеть эту вражду, с которою мысль о соборе была встречена всеми противниками г. Филиппова, за исключением г. Нильского. Как будто г. Филиппов выпустил на арену какую-то *bête-noire*³², которую тотчас же стали преследовать оппоненты г. Филиппова.

Церковный собор есть учреждение идущее от самых первых времен христианства. На определениях вселенских соборов построена вся система нашего православного учения. В русской церкви соборы были обыкновенным явлением до XVII века; и быстро падали возникавшие в то время ереси стригольников, жидовствующих³³ и проч. В православной греческой церкви соборы до сих пор составляют обыкновенное явление. Только наша церковь лишена этого великого источника божественного света и христианского мира в продолжение целых двух столетий. И, без сомнения, не без влияния этой причины наша церковь представляет печальное зрелище раскола, продолжающееся два века; и конца ему не видится, если мысль о соборе не будет осуществлена. — А между тем одна мысль о соборе встречается яростными нападениями со стороны столь видных представителей нашей церкви!

Грустные мысли возникают в уме православного русского человека при сопоставлении этих фактов.

²⁹ Кроме русского — александрийский и антиохийский.

³⁰ См. [Нильский И. Ф.] О единоверии (По поводу современных толков литературы) // Христианское чтение. 1870. № 5. С. 775. На этот факт указывал в своем выступлении Т. И. Филиппов (Чтение Т. И. Филиппова в заседании Общества любителей духовного просвещения 26 февраля // Гражданин. 1874. 8 апреля. № 13–14).

³¹ См.: Макарий (Булгаков). История русского раскола старообрядства. СПб., 1858. На это также обращал внимание Т. И. Филиппов в указанном выше выступлении.

³² Жупел, предмет особой ненависти (букв. — «черный зверь», франц.).

³³ Стригольники (XIV–XV вв.) и их продолжатели «жидовствующие» (XV–XVI вв.) отвергали многие установления православной церкви. На соборах 1490 и 1504 гг. еретики были осуждены.

СТАТЬИ В «ГРАЖДАНИНЕ», ПОСВЯЩЕННЫЕ ДАННОЙ ТЕМЕ.

<Т. И. Филиппов при участии Ф. М. Достоевского?>. Чтение Т. И. Филиппова в Обществе любителей духовного просвещения // 1873. 22 января. № 4. Петербургское обозрение. С. 92.

<Т. И. Филиппов>. По вопросу объ единовѣрїи // 1873. 29 января. № 5. Вести со всего міра. С. 154–155.

<Ф. М. Достоевский?> «Кстати о раскольникахъ ~ и до послѣдняго времени даже не хотели знать» // 1873. 5 марта. № 10. Петербургское обозрение. С. 284.

В. Д. <Ф. М. Достоевский при участии Т. И. Филиппова>. Засѣданіе общества любителей духовного просвещения 28 марта // 1873. 2 апреля. № 14. С. 433–434.

<Ф. М. Достоевский при участии Т. И. Филиппова>. Отъ редакціи. [ответ на Письмо И. Ф. Нильскаго]. // 1873. 30 апреля. № 18. С. 553–554.

<Т. И. Филиппов при участии Ф. М. Достоевскаго>. Петербургское общество любителей духовнаго просвещенія // 1873. 21 мая — 2 июля. №№ 21–27. С. 608–610, 632–634, 652–656, 678–682, 718–722, 732–737, 764–768.

<Т. И. Филиппов, Ф. М. Достоевский?> «Въ прошлый вторникъ было начало весьма интересныхъ засѣданій ~ и обратится къ основнымъ его идеямъ» // Петербургское обозрение. 1873. 3 декабря. № 49. С. 1304.

<Т. И. Филиппов, Ф. М. Достоевский?> «Но чтобы обѣдомъ не кончить обозреніе ~ и профессоръ Нильскій назвалъ бы г. Филиппова еретикомъ!» // Петербургское обозрение. 1873. 17 декабря. № 51. С. 1364–1365.

<Ф. М. Достоевский?>. «Новая газета «Церковно-Общественный Вестникъ» ~ и кто верномыслящій въ духе православной Церкви, свободный сынъ ея?» // 1874. 29 января. № 4. Последняя страничка. С. 127–128.

<Т. И. Филиппов>. Чтеніе Т. И. Филиппова въ засѣданіи петербургскаго Общества любителей духовнаго просвещенія 26 февраля // 1874. 11 марта — 22 апреля. №№ 10–16. С. 293–296, 315–318, 357–361, 386–391, 386–391, 452–457.

М. С. Н. <«Москвитянин» — М. П. Погодин?> Письмо въ редакцію о г. Филиппове и его оппонентахъ // 1874. 22 апреля. № 16. С. 449–450.

Ред. <Ф. М. Достоевский>. Отъ редакціи // 1874. 22 апреля. № 16. С. 450.

<Ф. М. Достоевский>. Разъяснение некоторых сторон вопроса о нуждах единоверия // 1874. 17 июня. № 24. С. 642–645.

Приложение 2

**СПИСОК ЧЛЕНОВ САНКТ–ПЕТЕРБУРГСКОГО ОТДЕЛА
ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ДУХОВНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ
НА 28 МАРТА 1873 г.***

Учредитель отдела — Великий Князь Константин Николаевич.

Председатель отдела — Зиновьев Николай Васильевич,
генерал–адъютант.

Почетные члены:

Макарий (Булгаков),
архиепископ виленский и литовский, историк церкви;

Толстой Дмитрий Андреевич,
граф, действительный тайный советник, министр народного
просвещения, сенатор, обер–прокурор св. Синода;

Горский Александр Васильевич,
протоиерей, ректор Московской духовной академии.

Члены Совета:

Васильев Иосиф Васильевич,
протоиерей, председатель учебного комитета при св. Синоде;

Мансуров Борис Павлович,
тайный советник, сенатор, член Государственного совета;

Оболенский Дмитрий Александрович,
князь, тайный советник, сенатор, член департамента законов,
один из ближайших сотрудников В. К. Константина Николаевича

Осинин Иван Терентьевич,
экстраординарный профессор по кафедре сравнительного
богословия С.–Петербургской духовной академии,
начальник петербургских женских гимназий;

Филиппов Третий Иванович,
действительный статский советник, управляющий временной
ревизионной комиссии Государственного контроля;

Янышев Иоанн Леонтьевич,
протоиерей, профессор по кафедре нравственного богословия,
ректор С.–Петербургской духовной академии;

* Использован список, опубликованный в изд.: Московские епархиальные ведомости. 1873. № 46. С. 429.

Действительные члены:

- Адлерберг (урожд. Полтавцева) Екатерина Николаевна,**
графиня, статс-дама Государыни императрицы,
жена графа А. В. Адлерберга, министра двора.
- Антипов Александр Иванович**
горный инженер, с 1870 г. член совета министра финансов
- Барсов Тимофей Васильевич,**
экстраординарный профессор по кафедре церковного
права С.-Петербургской духовной академии;
- Башмаков Александр Дмитриевич,**
действительный статский советник, причислен к Министерству
внутренних дел, камергер, председатель издательской комиссии
С.-Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета;
- Бибиков Виктор Александрович,**
тайный советник, шталмейстер двора В. К. Константина
Николаевича, почетный член императорской Академии художеств;
- Будилович Антон Семенович,**
славяновед, член С.-Петербургского отдела Славянского
благотворительного комитета;
- Бурачок Степан Анисимович,**
генерал-лейтенант корпуса флотских штурманов, писатель;
- Бычков Афанасий Федорович,**
тайный советник, сенатор, член и главный редактор
археографической комиссии Министерства народного просвещения,
ординарный академик императорской Академии наук;
- Бюлер Федор Андреевич,**
барон, директор Московского главного архива Министерства
иностраннных дел, гофмейстер;
- Васильев Василий Петрович;**
- Васильев Павел Петрович;**
- Веневитинова (урожд. Виельгорская) Аполлина Михайловна;**
помощница управляющей Рождественской школой;
- Верховский о. Иоанн Тимофеевич,**
единоверческий священник;
- Владиславлев Михаил Федорович;**
- Вознесенский Иван Алексеевич,**
священник, преподаватель богословия в Институте инженеров путей
сообщения;
- Войцехович Алексей Иванович,**
сенатор, член Государственного совета (с 1854 г.); ранее служил
в Синоде;

Волконская Елизавета Григорьевна,

княгиня (урожд. княжна Волконская); в 1887 г. перешла в католичество, автор книг «О Церкви» (Берлин, 1888), «Церковное предание и русская богословская литература» (Фрейбург, 1898);

Волконский Михаил Дмитриевич,

князь; генерал-майор;

Галахов Алексей Дмитриевич,

действительный статский советник, член ученого комитета Министерства народного просвещения, член-корреспондент Академии наук, ординарный профессор русской словесности императорского историко-филологического института, руководитель кафедры русской словесности при Николаевской академии Генерального штаба;

Гамбургер Андрей Федорович,

тайный советник, управляющий департаментом личного состава и хозяйственных дел Министерства иностранных дел;

Георгиевский Александр Иванович,

действительный статский советник, председатель ученого комитета Министерства народного просвещения, редактор «Журнала Министерства народного просвещения»;

Голенищев-Кутузов Петр Аркадьевич, граф;

Головнин Александр Васильевич,

тайный советник, статс-секретарь, член департамента законов Государственного совета (министр народного просвещения в 1861–1866);

Данилевский Николай Яковлевич,

ученый, публицист, автор книги «Россия и Европа» (1869);

Дмитревский Михаил Петрович;

Домонтович Иван Иванович;

тайный советник, гласный С.-Петербургской городской думы;

Достоевский Федор Михайлович,

писатель, редактор газеты-журнала «Гражданин»;

Евреиннов Александр Григорьевич,

сенатор, тайный советник, управляющий вдовьего дома;

Жуковский Степан Михайлович,

тайный советник, управляющий делами главного комитета по делам об устройстве сельского состояния государственной канцелярии Государственного совета;

Зеленой Александр Алексеевич,

генерал-адъютант, член Государственного совета;

Зеленой Александр Ильич,

генерал-лейтенант, начальник технического училища флота;

- Зеленой Илья Александрович,**
капитан–лейтенант, воспитатель детей В. К. Константина Николаевича;
- Зиновьева Екатерина Васильевна,**
сестра председателя С.–Петербургского отдела общества
Н.В. Зиновьева (?);
- Золотарев Иван Федорович,**
сотрудник С.–Петербургского отдела славянского
благотворительного комитета;
- Зубов Петр Алексеевич,**
сенатор, член Государственного совета;
- Исаков Николай Васильевич,**
генерал–адъютант, главный начальник военных учебных заведений;
- Карамзин Александр Николаевич,**
поэт–дилетант, сын Н.М.Карамзина;
- Карамзина Елизавета Николаевна,**
фрейлина, дочь Н.М.Карамзина;
- Катанский Александр Львович,**
профессор по кафедре догматического богословия С.–Петербургской
духовной академии;
- Киреев Александр Алексеевич,**
секретарь отдела, полковник, адъютант В. К. Константина
Николаевича, впоследствии публицист;
- Киреев Николай Алексеевич,**
штаб–ротмистр, брат А.А. Киреева, член С.–Петербургского отдела
славянского благотворительно общества; 6 июля 1876 г. погиб,
сражаясь против турок на стороне сербов;
- Китиулин Павел Трофимович;**
- Князев Дмитрий Валерианович,**
коллежский советник, производитель дел главных выкупных
учреждений министерства финансов, камер–юнкер;
- Казачок (или Казачек) Иван Моисеевич**
секретарь С.–Петербургского отдела славянского благотворительного
комитета;
- Козлова Устиния (Иустина) Васильевна;**
- Комаровский Алексей Евграфович;**
князь, адъютант В. К. Константина Николаевича;
- Корнилов Иван Петрович,**
тайный советник, член совета министра народного просвещения,
управляющий гатчинского николаевского сиротского института,
председатель С.–Петербургского отдела славянского
благотворительного комитета;

- Корнилов Федор Петрович,**
тайный советник, управляющий делами комитета министров;
- Коссиковский Владимир Владимирович,**
тайный советник, исполняющий дел канцелярии Министерства иностранных дел;
- Кропотов Дмитрий Андреевич;**
военный писатель, генерал-майор;
- Крылов Гавриил Васильевич,**
протоиерей;
- Коялович Михаил Осипович,**
профессор русской гражданской истории С.-Петербургской духовной академии, активный член С.-Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета;
- Левшин Федор Алексеевич;**
- Любимов Николай Иванович,**
тайный советник, сенатор;
- Майков Аполлон Николаевич,**
поэт, цензор, член-корреспондент императорской Академии наук;
- Маков Лев Саввич,**
тайный советник, правитель канцелярии министра внутренних дел (в 1878–1880 — министр);
- Мансуров Николай Павлович,**
тайный советник, директор департамента общих дел Министерства внутренних дел;
- Мещерская Софья Васильевна,**
княгиня;
- Миропольский Сергей Иринеевич,**
коллежский ассессор, член учебного комитета при св. Синоде;
- Мордухай-Болтовский Василий Петрович,**
надворный советник, товарищ председателя Смоленского окружного суда, позднее сенатор (с 1909 г.);
- Нечаев Василий Ильич,**
казначей отдела, действительный статский советник, причислен к Государственной канцелярии Государственного совета;
- Нильский Иван Федорович,**
профессор по кафедре истории и обличения русского раскола С.-Петербургской духовной академии;
- Оболенский Александр Дмитриевич,**
князь, очевидно, сын Дмитрия Александровича Оболенского;

- Оболенская Мария Александровна,**
княгиня, помощница попечительницы школы на Петровке;
- Обухов Борис Петрович,**
тайный советник, сенатор (в 1868–1871 гг. товарищ
министра внутренних дел);
- Островский Михаил Николаевич,**
товарищ государственного контролера, сенатор, тайный советник,
брат драматурга;
- Пагидас Неофит,**
архимандрит;
- Парвов отец Алексей,**
протоиерей, член учебного комитета при св.Синоде;
- Победоносцев Константин Петрович,**
тайный советник, сенатор;
- Покровский Петр Евдокимович,**
протоиерей, главный священник армии и флота, духовный писатель;
- Поповицкий Александр Иванович,**
коллежский асессор, учитель французского языка С.–Петербургской
духовной академии, редактор «Церковно–Общественного вестника»;
- Попов Александр Николаевич,**
тайный советник, состоял при II отделении собственной
Е. В. канцелярии, историк и общественный деятель, магистр
Московского университета;
- Рождественский Николай Павлович,**
доцент по кафедре введения в богословие С.–Петербургской духов-
ной академии;
- Рудаков Александр Павлович,**
протоиерей, законоучитель в Ларинской гимназии и горном
университете;
- Сафонов Илья Иванович,**
ротмистр собственного Е. И. В. конвоя;
- Селифонтов Николай Николаевич,**
тайный советник, присутствующий в департаменте путей сообщения
Сената;
- Сиверс Эммануил Карлович,**
граф, директор департамента духовных дел иностранных
исповеданий, гофмейстер;
- Сидорский Осип Семенович;**
управляющий униатскими делами в Царстве Польском;

- Соколов Дмитрий Павлович,**
протоиерей, священник придворной церкви (двор В. К. Марии Николаевны), законоучитель 5 гимназии;
- Соловцев Николай Петрович;**
- Соловьев Всеволод Сергеевич,**
камер-юнкер, надворный советник, состоящий при II отделении Е. И. В. канцелярии, начинающий писатель, журналист;
- Соловьев Яков Александрович,**
тайный советник, сенатор;
- Сольский Дмитрий Мартынович,**
тайный советник, член комитета призрения заслуженных гражданских чиновников I отделения собственной Е. И. В. канцелярии (Государственный контролёр в 1878–1889, впоследствии председатель Государственного совета);
- Старынкевич Александр Соломонович,**
тайный советник, причисленный к канцелярии комитета министров;
- Стояновский Николай Иванович,**
тайный советник, сенатор;
- Стремоухов Петр Николаевич,**
член совета министра иностранных дел;
- Толмачев Иоанн Васильевич,**
протоиерей при придворном соборе Императорского Зимнего дворца, член Учебного комитета при Св. Синоде;
- Толстой Юрий Васильевич,**
тайный советник, товарищ оберпрокурора св.Синода;
- Троицкий Иван Егорович,**
экстраординарный профессор новой церковной истории С.–Петербургской духовной академии;
- Тютчев Федор Иванович,**
поэт, публицист, председатель комитета иностранной цензуры;
- Урусов Сергей Николаевич,**
князь, действительный тайный советник, сенатор, председатель департамента законов Государственного совета, Главноуправляющий II отделением собственной Е. И. В. канцелярии;
- Фалеев Михаил Николаевич,**
статский советник, врач канцелярии обер-прокурора Синода;
- о. Хрисанф (Владимир Николаевич Ретивцев),**
архимандрит, ректор С.–Петербургской духовной семинарии (с 1869 г.), член учебного комитета при св. Синоде;

Чельцов Иван Васильевич,

действительный статский советник, профессор по кафедре древней церковной истории С.-Петербургской духовной академии;

Чистович Илларион Алексеевич,

действительный статский советник, профессор по кафедре истории философии С.-Петербургской духовной академии;

Шамшин Иван Федорович,

тайный советник, член совета государственного контроля;

Шнишков Андрей Николаевич.